

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

Портрет с фотографии

Весна в том памятном дембельском году недалеко от города Ногинска наступила рано и порадовала к середине апреля нежно-зелёной травкой и молодой листвой. Тропинки вокруг воинской части подсыхли и просто манили пройти или пробежаться в свободное время, на которое в выходные дни уже никто из офицеров-наставников не покушался. Закончив тренировку с гантелями и со штангой и выходя из кубрика в сторону общего умывальника, Арсений обратил внимание на вернувшегося с пробежки в приподнятом настроении знакомого по «учебке» в городе Колпино сержанта Орлова. Тормознул около него, обменялись простенькими шутками.

– Вот пробежался, и возникла потребность написать чей-нибудь портрет, желательно молодой женщины или девушки. Ты как на это смотришь? – поинтересовался у приятеля Володя.

– Смотрю положительно, только где взять подходящую даму, в казарме точно нет. А свою подругу почему не хочешь нарисовать? – обратил Сеня внимание армейского друга на подставку с фотографией на тумбочке у кровати.

– Можно и с её фотографии, но моя девушка не вдохновляет и волосы коротковаты. Важно, чтобы типаж подходящий был, – высказал пожелание потомок донских казаков.

Озадаченный сослуживцем, младший сержант Арсений Полушубков вымылся по пояс в умывальнике, вытерся полотенцем и медленно возвратился в кубрик первого взвода. Краем глаза заметил, как приятель прикалывает лист ватмана к чертёжной доске, прихваченной из Ленинской комнаты, и настраивается на творческий процесс, оттачивая специальный карандаш.

«Подругой перед службой в армии обзавестись не пришлось, так что помочь с фоткой, пожалуй, придётся кому-то другому, от желающих точно отбоя не будет», – подумал Сеня, подходя к своему койко-месту...

Внезапно курсант Арсений вспомнил, что пару месяцев тому назад получил письмо от родителей с фотографией младшей сестры. Ей как раз шестнадцать лет исполнилось в конце прошлого года. Отыскал в тумбочке конверт с письмом – фотография на месте, блондинка с косой, славянской внешности, только слишком молодо выглядит, больше девчонка, чем девушка. Недолго думая, Сеня отправился к художнику, тот уже выбирал из нескольких фоток, с кого начать творческий процесс. Предъявил свою кандидатуру, и неожиданно сестрёнка победила в заочном конкурсе «С кого начать писать портрет»! Остальным представителям прекрасных дам было рекомендовано далеко их фотографии не прятать.

Затем воин-творец устроился на табуретке перед импровизированным мольбертом из чертёжной доски, поставленной на стул, пристально взгляделся в фото и ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ карандашно-портретного образа начал выкристаллизовываться в стиле графики прямо на глазах многочисленных зрителей. Как теперь часто можно услышать – в масштабе реального времени. После нескольких небольших уточнений по внешности сестры и считывания с физиономии Арсения, как родного брата, чего-то недостающего на фото, к ужину ШЕДЕВР,

признанный всеми присутствующими в прямом смысле слова, был готов на девяносто девять процентов.

– Небольшие дорисовки, и перед отбоем портрет будет написан окончательно, – заверил мастер, не позволяя Сене снять ватман с доски и свернуть в рулон.

Учебная рота связи отправилась на ужин, а дневальный клятвенно пообещал присмотреть за графическим шедевром. После возвращения в казарму возле портрета столпились разнокалиберные сержанты со всей роты, будущие младшие офицеры, которые пристально созерцали карандашно-графическое чудо, боясь случайно прикоснуться к нему.

Наконец последовали несколько удачных штрихов мастера, и ПОРТРЕТ ГОТОВ. Получилось значительно лучше, чем на фотографии. Схожесть просто потрясающая, но сестрёнка Арсения как-то повзрослела и что-то в облике неуловимо изменилось. Появились уверенность во взгляде и немного женской мудрости, как будто художник личное видение женственности в донских казачках перенёс на молоденькую прибалтийскую девушку...

Сене снова не было позволено забрать готовый шедевр, так как грифель на ватмане следовало закрепить специальным лаком. Но возможны варианты: пиво или сахарная вода, аккуратно нанесённые пульверизатором, а иначе с годами изображение поблекнет и осыплется. Скручивать в рулон ватман с портретом пока не рекомендовалось, чтобы не смазать изображение.

От предложенного приятелем гонорара в сумме двухмесячного денежного довольствия младшего сержанта, как раз до демобилизации, донской художник гордо отказался. Специального лака достать не удалось, сахарная вода оказалась плохим закрепителем, а в увольнение за пивом курсанта Полушубкова командир взвода не отпустил.

Около двух недель портрет красовался в помещении казармы, от желающих познакомиться с сестрой не было отбоя, а один старший офицер-преподаватель предложил за шедевр полста полноценных советских

рублей. Арсению пришлось в мягкой форме отказать любителю прекрасного.

За это время сержант Володя Орлов написал более десятка портретов жён и подруг курсантов и офицеров с фотографий, но однажды проговорился, что по художественной ценности все вместе они не стоят ПЕРВОГО – он в него как бы частичку души вложил.

Вскоре донской художник выбрался в увольнение на сутки в благодарность ротного командира за портрет родственницы. Там капитально напился и попал на блатхату в криминальном предместье города, что с ним частенько и на гражданке случалось. Благополучно выбрался и с чудом сохранившейся бутылкой пива прибыл в расположение роты в пять часов утра. Разбудив приятеля Сеню, предложил немедленно закрепить грифель на портретном рисунке. Не соображая со сна, Арсений высказал мастеру карандаша всё, что думал о нём в тот момент, и внёс предложение – выполнить процедуру после подъёма.

Утром, зайдя в кубрик к горе-закрепителю, курсант Сеня обнаружил подпорченный портрет с небольшими подтёками – пульверизатор оказался бракованным, а Володя Орлов слишком нетерпеливым. Портрет художник мастерски подправил, но былой графической чёткости достигнуть не удалось, осталась неуловимая смазанность образа. И на том спасибо мастеру.

От греха подальше, Арсений Полушубков договорился с командиром роты на пару часов увольнения и отправил былой шедевр почтовой бандеролью домой. Заодно сообщил родителям по телефону, что сестрёнке Наталье послал сюрприз по почте. А отцу по секрету сообщил, что вернётся в конце мая с высоким званием после двух лет срочной службы. Чтобы порадовался.

– Наверное, прапорщиком. В газетах писали, что возродили в советской армии такое звание, – озвучил ветеран войны недавнее решение партии и правительства.

– Там видно будет, нам нельзя об этом никому говорить, военная тайна, – отшутился будущий офицер и попрощался с родителями.

Обида на сослуживца иссякла, и Арсению пришло понимание, что в поступках он почти ничем не отличается непредсказуемым поведением от донского художника, а служить оставалось почти месяц, и глупо обижаться на приятеля. Впереди ожидали зачёты и экзамены по военным дисциплинам пятимесячных курсов по подготовке офицеров запаса в народное хозяйство по линии Гражданской обороны, и главное – демобилизация и свобода, а настоящая дружба продолжается и на гражданке.

По дороге в родную часть Сеня заскочил в магазин и прикупил горе-художнику бутылку вина – поправить здоровье, а через КПП пронести не проблема, в тот день дежурили курсанты из учебной роты связи. Перед отбоем оба приятеля выпили бутылку портвейна на двоих и пообщались за жизнь, а мастерскую по штамповке карандашно-грифельных портретов было решено свернуть. Вдохновение ушло, алкогольный допинг не помогал, да и заказы незаметно иссякли. Всему своё время.

В конце мая Арсений Полушубков возвратился домой, сестрёнка заметно повзрослела, а портрет дочери отец вставил в рамку под стекло и он зажил своей жизнью, перемещаясь вместе с хозяйкой во времени и пространстве. Иногда Арсению казалось, что графический образ оказывал на сестру незримое влияние в переломные жизненные моменты, добавляя твёрдости и уверенности в себе, а иногда – настойчивости. Хотя этого ранее не наблюдалось.

Вышла неудачно замуж – через восемь месяцев без истерик развелась, получила

комнату на работе – вынесла все капризы престарелой соседки по квартире. Вышла замуж вторично, а после смерти старушки добилась её комнаты у властей, будучи беременной на втором месяце. Решила и родила сына, несмотря на рекомендации врачей о прекращении беременности и тяжёлые роды.

В начале девяностых годов прошлого века после разрыва со вторым мужем уже в другой стране Наталья с маленьким сыном оказалась в городе железного гостеприимства металлургов и химиков и выжила, хотя братская помощь и поддержка были минимальными, Арсений сам кувыркался в непростое время. В переломный жизненный момент не сломалась, а перешла с престижной секретарской работы на рабочую должность. Заработала льготный стаж с выходом на пенсию в пятьдесят лет...

А в последние мгновения жизни не унилась и не просила пощады у грабителя-убийцы, а защищалась, как могла...

Сейчас карандашный портрет молодой девушки, сестры Арсения находится у её сына Ярослава, который больше живёт своим умом и не любит слушать советы старших. Что-то получается, что-то не очень – это его жизнь. Однажды Арсению пришлось заехать к нему по делам, и сразу внимание привлёк лик сестры с портрета, стоящего на подоконнике рядом с компьютером на столе, за которым сидел племянник.

В трудное время многим нужна поддержка, иногда достаточно рядом лишь портрета близкого человека.

Редакторский юмор

Заходит как-то писатель в отдел канцелярских товаров и спрашивает у продавщицы:

– Для моих черновиков мне нужен простой карандаш!

Продавщица даёт ему карандаш.

Писатель возмущается:

– Но ведь он красного цвета!

– А что, красный – это для вас уже сложно?

– Скажите, – допытывается молодой писатель у редактора, – есть ли вообще надежда, что мой рассказ появится в вашем журнале?

– Ну разумеется. Все люди смертны, да и я не вечен.

У Александра Дюма просят пять франков на похороны известного критика.

– Получите десять, – говорит Дюма, – и похороните двух критиков.